

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

история других точно установлена, а третьи – это те, о которых мы пока почти ничего не знаем. Кроме достаточно прозрачных по семантике и структуре названий, в лимнонимии исследуемой территории встречаются формы, для которых на основании анализа можно достаточно реально предполагать славянский источник, но при этом необходимо учитывать и возможности интерпретировать названия и на базе других языков. Лимнонимы, являя собой фрагмент языковой картины мира, дают огромный материал для исследования быта, традиций, взглядов наших предков, помогают понять, каким образом шел процесс заселения наших земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4т./В.И. Даль. – Москва, 1976-1980.
2. Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Исследования в области славянских древностей/В.В. Иванов, В.Н.Топоров. – Москва, 1974. – С. 121, 123, 196.
3. Маковский, М.М. Язык – миф, культура. Символы жизни и жизнь символов/М.М. Маковский. – Москва 1997. – С. 199.
4. Опыт описания Могилевской губернии», 1864 (акты записей спецхрана ИА РАН).
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4т./М.Фасмер. – Москва, 1986-1987.
6. Воробьева, И.А. Ономастика в школе/И.А.Воробьева. М., – 1987.
7. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии/Н.В. Подольская. – 2-изд., перераб. и доп. – М., 1988.
8. Назвы азераў Беларусі: слоўнік/С.У. Шахоўская; навук. рэд. П.А.Міхайлаў. – Мінск, 2014.
9. Беларуская Энцыклапедыя: у 18т. – Мінск, БелЭн, 1996–2004.
10. БКБ – Блакітная кніга Беларусі: энцыклапедыя – Мінск: БелЭн, 1994. – 415 с.

Т.П. Слесарева

**ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. ДОНЦОВОЙ:
МОРФОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Художественный текст – это уникальная лингвоэстетическая структура, с помощью которой человек стремится дать свою концепцию реального мира, свой опыт мыслей, сопровождающихся конкретными представлениями. Поэтому изучение мастерства художника слова невозможно без анализа языковых средств создания текста.

По данным социологов, массовая литература сегодня составляет 97% литературного потока. Растет читательский интерес к массовой литературе, по большому счету к современному детективу. Самым читаемым жанром детективной литературы сегодня можно назвать иронический детектив. Иронический детектив – это феномен массовой литературы, разновидность детектива, расследование в котором описывается с юмористической точки зрения и направлено на раскрытие тайны. Женский иронический детектив по праву многие современные исследователи стремятся отнести к отдельному жанру.

Иронический детектив, согласно уже самому названию жанра, существует как антипод «серьезному» детективу, сохраняя при этом основные особенности жанра детектива. Основное его свойство – ирония на всех уровнях текста, которая проявляется прежде всего в языковой игре. На постсоветском пространстве иронический детектив появился лишь в конце 1990-х гг. и связан в первую очередь с именем Дарьи Донцовой, которая получила популярность практически сразу после выхода первых книг. Сама писательница называет свои произведения «таблетками от депрессии»: все ее книги написаны в шутовском тоне, герои (как правило, женщины) то и дело попадают в нелепые и смешные ситуации, а добро в итоге торжествует над злом.

В чем же успех романов автора, который с 2006 по 2015 года включительно по данным опросов ВЦИОМ признавался «Писателем года»? Книги Д. Донцовой написаны легко и непринужденно. А одной из составляющих идиостиля этого художника слова являются окказиональные словообразования, выступающие средством экспрессии, усиливающие воздействие речи и передающие ее неповторимое своеобразие.

Как известно, существует несколько видов окказиональных словообразований: окказионализмы, произведенные с нарушением законов словообразовательных типов, и окказионализмы, произведенные под воздействием аналогии, когда за образец принимаются обыкновенные слова. Кроме того, в теории окказиональности принято выделять следующие типы окказионализмов.

Лексические окказионализмы создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

ней. При образовании лексических окказионализмов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Новообразование компонуется из морфем, уже существующих в языке: *А уж если родит он ему двух «мерсят», то хозяин всю жизнь станет поить его авиационным бензином* («Эта горькая сладкая месь»). Слово *мерсят* в данном контексте можно определить как «детей «Мерседеса» (ср. *котят, телят, ягнят*). В романе «Личное дело Женщины-кошки» встретилось слово *подушата*, значение которого определяется как дети подушки (ср. *котята, цыплята*). Похожее образование обнаруживаем в романе «Гений страшной красоты»: - *Лучшая супруга для Тоши – компьютер, - засмеялся Игорь. – Вот бы он родил ему крохотных компьютерят!*

Перекроют деньгопровод («Вынос дела»), *прямо водкопровод* («Хобби гадкого утенка») (ср. *водопровод, нефтепровод* – то есть система непрерывного снабжения). *Сериал крохотнобюджетный* («Домик тетюшки лжи»). *Что, новую хахалицу завел?* («Урожай ядовитых ягодок») (ср. слово *хяхаль* – ухаждёр, любовник, следовательно, *хяхалица* – любовница). *Я двинулась за кирпичетерапевтом* («Скелет из пробирки») (ср. *психотерапевт* – врач определенной специализации).

Можно обнаружить несколько различных образований от одного узуального слова. Примером может служить имя существительное *звезда*: *И муж, и свекровь полностью зависят от звездудльки* («Микстура от косоглазия»), *Звездудлина ты наша* («Кекс в большом городе»), *Леся, нафосный подзвездок* («Бутик ежовых рукавиц»).

В русском языке обнаруживаются пустоты в мотивированных наименованиях животных названий мяса из них. Д. Донцова в своих романах эти пустоты «заполняет»: *Шашлык из мопсятины* («Хобби гадкого утенка»), *суслятина* («Бенефис мартовской кошки»), *Да вы в борщ корвятину пихаете* («Маникюр для покойника»).

Грамматические (морфологические) окказионализмы представляют собой образования, в которых, с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма. В этой группе окказиональных образований встречаются имена существительные *Я не собираюсь жить, как вы, две чмы* («Любимые забавы папы Карло»), имена прилагательные: *Большой мастер по женибельной части* («Несекретные материалы»), *Вон, видали, сколько добра графоманы натащили! Жуть, какие пусучие!* («Вынос дела»), *Блохастый, грязный, глустастый* («Полет над гнездом Индюшки»), *Вот от какого, блин, зверя эти ноги? Они лошадевые или собачьи, а?* («Смех и грех Ивана-царевича»).

Достаточно частотны в романах окказиональные формы сравнительной степени прилагательных и наречий. Форма сравнительной степени прилагательного (компаратив прилагательного) обозначает, что названный ею качественный признак представлен в большей степени, чем тот же признак, названный формой положительной степени. Компаративы образуются от большинства качественных прилагательных, в основном – исконно качественных: *Девушка покупала средство для натирки всяких поверхностей. Попросила, как она выразилась, «самое скользучее»* («Верхом на «Титанике»»), *«Прекрати, - попросил Кулькин, - и так тошно»*. *«Мне еще тошнее, - не успокаивалась Анна* («Ромео с большой дороги»), *Хуже же наших!* («Ромео с большой дороги»), *Надо, чтобы сзади кто потяжелче сел* («Муха в самолете»).

Отдельно хочется отметить формы степеней сравнения прилагательных, не существующих в русском языке: *Сужее не встречала!* («Муму с аквалангом»), *Нет! Нет! – завопил майор. – Чушь! Чушее ничего не былшал!* («Горячая любовь снеговика»), *«Супер, да?»*. *«Суперее не бывает», - ответила я*. («Бутик ежовых рукавиц»), *Уж такой кретин, что кретиннее не сыскать* («Досье на Крошку Че»), *Уж звездее не бывает* («Урожай ядовитых ягодок»), *Дурее моей дочери не сыскать* («Концерт для Колобка с оркестром»), *- Настоящий мачо! – Я еще мачее видала!* («Пикник на острове сокровищ»). Окказиональные краткие формы прилагательных также встречаются в текстах романов: *Дегтярев всеобжорен* («Фейсконтроль на главную роль»).

Грамматические окказионализмы представлены и глагольными формами: *Вырыл сундук с награбленным и забизнесменовал* («Сафари на черепашку»), *Зуб самозапломбировался* («Мачо чужой мечты»), *В драке всякое может случиться, а пятна от майонеза не отхимчистят* («Ангел на метле»), *Короче, я решил диван в комнату впихунькать* («Судьба найдет на сеновале»), *«С ними все понятно, но Мусю надо обезмышить», - изобрела я новый глагол* («Стриптиз Жар-птицы»), *- Замолчь! – приказала Варя* («Приданое лохматой обезьяны»), *Иззвездилась вся* («Фейсконтроль на главную роль»), *Хоть обзырься, ничего интересного не увидишь!* («Третий глаз - алмаз»), *Спасибкает из хорошего воспитания* («Легенда о трех маргышках»), *Ишь, обнахалился!* («Клетчатая зебра»), *Автомобиль обеспарфюмлен* («Лебединое озеро Ихтиандра»), *Он хороший, мы с ним зафрендились* («Гений страшной красоты»), *Можете не мадамкать* («Самовар с шампанским»).

Довольно часто на страницах романов встречаются глаголы, восходящие к слову *шопинг* (посещение магазинов с целью покупки вещей или продуктов (обычно за границей и в больших количествах): *Нашопились от души* («13 несчастий Геракла»), *- Мне скушно, - повторила Зоя, - решила пошопиться*

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

(«Бутик ежовых рукавиц») и звезда: *Там повертимся минут 15, позвездячим на объективы..., Зазвездячили по полной программе* («Мыльная сказка Шахерезады»).

Можно встретить в текстах также и окказиональные формы причастий и деепричастий: «Эй, баба Катя, очнись!» «Я-то очнутая, - зевнула старуха («Пикник на острове сокровищ»). А теперь об невпихуньконный диван ногу переломаете («Судьба найдет на сеновале»), В конце концов она стала их просто раздавать, за короткий срок «омопсятив» всех коллег... («Прогноз гадостей на завтра»), *Вон еще собачки не гуляны* («Фигура легкого эпатажа»)

Окказиональные (необычные) сочетания слов представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях. Многие из таких сочетаний вынесены в заглавие. Например, «*Эта горькая сладкая месь*», «*Канкан на поминках*», «*Сволочь ненаглядная*», «*Монстры из хорошей семьи*», «*Надувная женщина для Казановы*», «*Тушканчик в бигудях*», «*Зимнее лето весны*», «*Ангел на метле*», «*Горячая любовь снеговика*», «*Человек-невидимка в стразах*», «*Дедушка на выданье*», «*Идеальное тело Пятачка*», «*Версаль под хохлому*».

Среди окказиональных словосочетаний выделяются особой группой те, которые мотивированы устойчивым сочетанием слов и построены на обыгрывании соотношения фразеологической производящей основы и производного окказионального словосочетания. Среди трансформированных фразеологизмов можно выделить следующие группы.

Первую группу составляют фразеологизмы, в которых при употреблении была осуществлена замена одного компонента: *Мой будуар – моя крепость* («Дама с коготками»), *Я же в экономике как свинья в коньяке разбираюсь* («Эта горькая сладкая месь»), *Буду нема как кастрюля* («Домик тетушки лжи»), *Грызла железо науки* («Домик тетушки лжи»), *Крутился, как черт в колесе* («Привидение в кроссовках»), *Долг платежом опасен* («Гарпия с пропеллером»), *Когда рак на горе станцует* («Камин для Снегурочки»), Папанька чуть *подуботинки не отбросил* («Спят усталые игрушки»), *Журналиста ноги кормят* («Метро до Африки»), *Дареному коню зубы не пересчитывают* («Белый конь на принце»), *Круговорот денег в природе* («Тормоза для блудного мужа»), *Собаке собачья жизнь* («Уха из золотой рыбки»), *Каждый кузнец своего несчастья* («Легенда о трех мартышках»).

Вторую группу составляют фразеологизмы, имеющие разное выражение одной семантики: *Свой свояка видит издалека* («За всеми зайцами») – *Родственные души видят друг друга издалека* («Бенефис мартовской кошки»); *Бесплатный сыр бывает / лежит только в мышеловке* («Дама с коготками», «Эта горькая сладкая месь», «Жаба с кошельком», «Фейсконтроль на главную роль») – *Нынче даже сыр в мышеловке подорожал* («Любовница египетской мумии») – *Дармовые пирожки лежат только в корзине под гильотиной* («Домик тетушки лжи»); *А я так, не пришей к голове рукав!* («Хобби гадкого утенка») – *Не пришей кобылке хвост* («Бенефис мартовской кошки»); *Не в коня корм* («Эта горькая сладкая месь») – *Не в медведя конфетка* («Мыльная сказка Шахерезады»); *Назвался груздем – полезай в кузов* («Гений страшной красоты») – *Назвался водкой – лейся в горло* («Мыльная сказка Шахерезады»); *Двух зайцев из одного ствола пристрелили* («Привидение в кроссовках») – *Двух мух одной газетой прилепнули* («Белый конь на принце»); *В капле – аромат, во флаконе – удушие* («Улыбка 45-го калибра») – *В ложке лекарство, а в чашке яд* («Вынос дела»); *В каждой избушке свои игрушки* («Уха из золотой рыбки») – *Под каждой крышей свои мыши* («Белый конь на принце») – *У каждой пташки свои замашки* («Гений страшной красоты»); *Яблоко от яблони недалеко падает* («Экстрим на сером волке») – *От курицы не родится лев* («Любовница египетской мумии») – *На елке не вырастут ананасы* («Гений страшной красоты») – *От тыквы не родится кролик* («Самовар с шампанским»); *Каждый народ достоин своего вождя* («Домик тетушки лжи») – *Каждый народ достоин своего вождя, а жена – своего мужа* («Жаба с кошельком») – *Каждая жена достойна своего мужа, а каждый человек – своих друзей* («Тормоза для блудного мужа»); *Не везет в любви, везет в карты* («За всеми зайцами») – *Если везет в любви, то не жди удачи в игре* («Несекретные материалы»); *Комар носу не подточит* («Легенда о трех мартышках») – *Комар без регистрации мимо не пролетит* («Экстрим на сером волке»).

Отдельную группу можно составить из фразеологизмов, имеющих одинаковую первую часть, но разное ее продолжение: *Не имей сто рублей, не получишь сто друзей* («За всеми зайцами») – *Не имей сто рублей, а заводи сто друзей* («Лягушка Баскервилей») – *Не имей сто рублей, заводи сто друзей* («Лягушка Баскервилей») – *Не имей сто рублей, а укради миллион* («Стилист для снежного человека»); *Маленькая ложь рождает большое подозрение* («Жена моего мужа») – *Маленькая ложь рождает ложь большую* («Стилист для снежного человека») – *Маленькая ложь заслуживает большого недоверия* («Компот из запретного плода»); *Пришла беда – отворяй ворота* («Бенефис мартовской кошки», «Бассейн с крокодилами», «Личное дело Женщины-кошки») – *Пришла беда – вынимай паспорта* («Уха из золотой рыбки», «Камин для Снегурочки»); *Дружба дружбой, а табачок врозь* («За всеми зайцами») – *Дружба дружбой, а денежки врозь* («Привидение в кроссовках»); *Глаза боятся, а руки делают* («Эта горькая

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

сладкая мечь») - *Глаза боятся, а ноги топают* («Экстрим на сером волке»); *Кто платит, тот и играет на нервах* («Привидение в кроссовках») – *Кто платит, тот и заказывает музыку* («Клетчатая зебра») - *Кто платит, тот и прав* («Уха из золотой рыбки»).

Еще одну группу составляют фразеологизмы, которые можно назвать «перевертышами»: *Когда идешь в чужой монастырь, следует соблюдать его устав* («Жена моего мужа»), *В такую погоду хорошая собака хозяина на улице не выведет* («Несекретные материалы»), *Если гора не идет к Магомету, то Магомету следует взять ноги в руки и двинуться к горе* («Вынос дела»), *В каждой бочке дегтя непременно найдется ложка меда* («Метро до Африки»).

Интересную, на наш взгляд, группу представляют преобразованные афоризмы: *Муж и жена – единый организм* («Маникюр для покойника»), *Ведьма ведьму видит издалека* («Созвездие жадных псов»), *Слово не воробей, вылетело и долбануло* («Лампа разыскивает Алладина»), *Кто не работает, тот не имеет никаких деликатесов* («Безумная кепка Мономаха»), *От добра к добру не бегают* («Нежный супруг олигарха»), *Седина в бороду, бес не дремлет* («Фанера Милосская»), *Хорошо смеется тот, кто стреляет последним* («Фанера Милосская»), *Меньше говоришь – крепче спишь* («Обед у людоеда»), *Лучше лягушонок в руках, чем крокодил в реке* («Нежный супруг олигарха»), *Не в собаку мясо* («Брачный контракт кентавра»), *Чужая семья потемки* («Император деревни Гадюкино»), *Каждый человек сам убийца своего счастья и Каждый человек кузнец своего несчастья* («Королева без башни»), *Черного кобеля не выкрасить в блондина* («Черный список деда Мазая»), *Чем тише омут, тем активнее живущие в нем черти* («Огнетушитель Прометея»).

Таким образом, принадлежность окказионализма конкретному автору определяет степень художественности новообразования, возможности декодирования его значения, семантическое и стилистическое своеобразие. А привлечение Дарьей Донцовой в свои романы текстов, точных или преобразованных цитат подчиняется стилистическим целям и творческим задачам, стоящим перед автором, выявляет индивидуально-авторский подход, делая иронический детектив еще более живым, ярким и экспрессивным. И в заключение совет от королевы жанра: *«Читайте детективы – источник знаний!»* («Маникюр для покойника»).

О.И. Уланович, Е.А. Гончаренко

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ВТОРИЧНОЙ СЕМАНТИКИ ЦВЕТОЛЕКСЕМ В СТРУКТУРЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Принципиальная метафоричность и ассоциативная структура человеческого сознания предопределяют стремление человека описывать и оценивать явления окружающей действительности через их имплицитное сравнение с ранее уже попавшими в поле зрения объектами из зачастую иных сфер действительности. В ряду таких явлений, выступающих «мерой всех вещей» или «мерой всего сущего» можно отметить: соматический код (собственно человеческая телесность: *зуб на зуб не попадает, море по колено, кровь закипает* и т.д.), зоонимический код (апеллирование к свойствам и характеристикам животных: *смотреть зверем, собака на сене, извиваться ужом* и т.д.), природный код (ассоциирование с явлениями природы: *плоды победы, вакуум власти, пожароопасные взаимоотношения* и т.д.), артефактный код (сравнение с материальными произведенными человеком объектами: *лезть в бутылку, слететь с катушек, возводить архитектуру международных отношений* и т.д.).

Немаловажное коммуникативное и культурологическое значение имеет и *цветовой* код, не получивший до сих пор, к сожалению, должного научного освещения и интерпретации. В контексте лингвистических исследований вторичная семантика цветолексем находится, по сути, в некотором научном вакууме, рассмотрена лишь частично и фрагментарно, преимущественно в аспекте цветового метафорического ассоциирования.

В центре нашего исследования – цветосимволизм в передаче характеристик и особенностей человека в структуре антропологических фразеологических единиц с колоративным компонентом. Как отмечает С.В. Кулинская: «Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом ‘цвет’ характеризуются повышенной эмоциональностью и образностью, основанной на особом – цветовом – восприятии явлений и фактов окружающей действительности, на их оценке (положительной либо отрицательной)» [1, с. 4]. Именно поэтому наше исследование «цветового когнитива человека» через фразеологический фонд английского языка «позволяет проникнуть в специфику национального сознания и самопознания нации, определить особенности восприятия социального статуса человека, его морально-нравственных и иных индивидуальных качеств» [1, с. 5].